

Материалы к фильму «Юрий Щекочихин. «Однажды я был...»

Евгения Головня – Юрий Рост, журналист, 2011

Е.Г. Юра говорил: “Мы команда, а не банда”. А вы, по-моему это опровергали, что не команда.

Ю.Р Я просто никакой командой не был, никогда, ни в какой ситуации. У Юры действительно были ребята, близкие ему, которых он называл командой. Ребята, команда – так вот он любил. У него был такой сильный командный дух – ему нравилось, он любил заблуждаться, или не любил, но просто заблуждался, что все это команда. В этой команде были люди, которые были ему привержены, было и случайных довольно много, потому что отбор участников этого эфемерного коллектива он проводил по собственному эмоциональному выбору. Иногда ему просто нравился человек, с годами этот человек отваливался, иногда он даже и оказывался в конечном счете опасным для него. Но основная группа, которая концентрировалась вокруг него, это были люди, которым он доверял и которые ему доверяли и его любили. Как вам сскзать...Он был лидером региональным, локальным. Когда он выходил за рамки этой команды, он тоже становился единственным, одним и незащищенным.

Е.Г.Но вот ваши взаимоотношения с ним были какие?

Ю.Р. У нас были замечательные взаимоотношения, потому что мы прожили довольно долгую жизнь совместную. Мы работали вместе в “Комсомольской правде”. Он таким был вундеркиндом в молодой команде. То есть он был очень молодой и сразу проявил такие качества бойца азартного, защищающего, спорщика, очень хорошо работающего. Потом мы порознь, но вместе ушли в “Литературную газету”, сидели в одной комнате. Тоже как-то хорошо у нас все было. Я выслушивал все его материалы до того, как они были опубликованы. И даже смешные были всякие истории. Однажды Данелия нашел, или адвокат Свистунов нашел половину женского торса... Нет, туловища – как раз торса и не было, нижнюю половину манекена. Они мне поставили ее под дверь квартиры, с Данелией и Свистуновым. Я притащил в редакцию и мы ее повесили в окне. И недоброжелатели Юрия написали, что у нас повешена женщина и она висит в окне, мы такие людоеды, он такой людоед... Какие-то глупости бесконечные были. Хорошо сидели.

Е.Г.А по работе вы как связаны?

Ю.Р. Рабочей связи не было никакой. Мы как-то не пересекались. Но насчет того, что Юра восторженный, да, безусловно а я, скорее говоря, был и есть больше рациональный. У него была задача улучшить мир. Может быть, он улучшал мир путем отсечения нехороших людей от этого мира. Ну, наверное, можно сказать, что я тоже старался его каким-то образом, но если не улучшить, то, во всяком случае, проинформировать мир, что он не так уж плох – он отвратителен, но все-таки в нем какое-то количество достойных людей есть. Я ими занимался, в основном. Поэтому у нас не было совместных тем, совместных командировок – ничего у нас этого не было. Мы просто дружили, общались, ездили друг к другу в гости. Я знал его все интересы, потому что он был такой, как вам сказать, открытый и моментально выплескивающий на собеседника и проблемы свои, и достижения. У нас был общий редактор, главный редактор – это Неля Логинова, наш друг, которая читала его материалы и мои материалы. И ее чутью, литературному дару мы, безусловно доверяли. Я так вообще безоговорочно, Юра спорил, но она выигрывала почти всегда. Мне она всегда, не глядя даже, могла сказать “выбрось первый абзац”, не читая. Почти всегда была права. Юра увлекался, ему нравилось нравиться – это нормально, потому что всем публичным людям, людям публичной профессии нравится нравиться, иначе бессмысленно. Актеру хочется нравиться, журналисту хочется нравиться, не всем – хочется нравиться определенному кругу. Тому кругу, который понимает тебя, разделяет, и который тебе приемлем, если даже неприятен. Но у Юры было больше врагов значительно, если так сравнивать, чем у меня, потому что он писал о нехороших людях. А поскольку я писал о хороших людях, то у меня врагов было меньше. Ну, только те люди, которые этим хорошим завидовали, и все. А у него были такие опасные темы, угрожающие. И ему нужна была такая особая отвага – она у него была.

Е.Г. Скажите, пожалуйста, у меня в распоряжении хроника сорокалетия Юрия, где вы там все: с Жутовским, вся ваша дружная ну, другого слова сейчас не найду команда, допустим...

Ю.Р. Не команда все равно, это не команда, это друзья Юрия. Команда – это те люди, с которыми он работал. Жутовский не был, конечно командой. Это чудесный был праздник, чудесный. И тогда мы друг другу всегда хотели преподнести какие-то сюрпризы. И мы с Жутовским нарядились очень красиво, мы были в цилиндрах, Жутовский был во фраке, я в бурке. Ружье у меня было. И мы приехали, по дороге нашли каких-то козочек, и с этими козочками пришли. Юрка был в восторге, захлебывался от счастья вообще,

смеялся. Он смешливый был человек, и он так прямо кудахтал, радовался, ему надо было, чтобы все отреагировали, как это все замечательно. И действительно было замечательно, это было на даче и, может быть, это один из самых счастливых дней рождения, которые он провел, но и для нас это был такой день счастливый, потому что там было много достойнейших людей разных-разных, и все были пронизаны любовью главным образом, конечно, к Юре, но и друг к другу. И даже те люди, которые в обычных условиях не общались, они общались там, замечательно выпивали, закусывали и пели, и слушали как поют, Юра пел хорошо.

Е.Г. Вот как профессионал, вы меня поймете. Там есть один кадр, где Юра с мамой со своей стоит. Это я сейчас уже забрасываю удочку вперед. Снимая о нем фильм, естественно стал вопрос – убили-не убили, сам умер-не сам умер.

Ю.Р. Убили. Это тут нет вопроса. Для вас есть вопрос, для нас нет. Это насильственная смерть, безусловно, по всем показателям: и по тому, как она протекала, и по тому, что не осталось документов врачебных, вообще ничего не осталось, и по тому, как все было обставлено. Это безусловно была насильственная смерть

Е.Г.И на этом кадре, я остановила его... Он стоит рядом с мамой, несмотря на то, что действительно фон веселья и радости и так далее, и вдруг на этом кадре видно, что он уставший физически и выглядит почти ровесником своей мамы.... Не было ли уже тогда...

Ю.Р. Человека можно сфотографировать в любом состоянии, потому что власть фотографа над моделью безгранична: можно поймать человека в таком виде, как будто он уже вообще с того света вернулся. Ничего похожего не было. Юра предполагал жить. Он был очень здоровый парень. Если его так вот раздеть, то он был прямо такой крепенький, как качок. Хотя он не качался, но он очень был здоровый и выносливый. Нет, ничего близкого этого не было.

Е.Г. А как вы отнеслись к его походу во власть?

Ю.Р. Ну, как идеалист он должен был двинуться туда, для того, чтобы, как ему казалось, изменить картину мира. Мы же говорили о том, что он пытался изменить этот мир к лучшему. Вот он пошел, собственно, даже не во власть. Он пошел в “Яблоко”. “Яблоко” – наиболее приемлемая партия была, симпатичная. И сейчас она симпатичная. Там были какие-то люди пристойные. И кроме того, что он мог осуществлять там некую деятельность,

он стал обладать информацией, которую он не получил бы, не будучи депутатом. Его жизнь до депутатства, во время депутатства мало отличалась друг от друга. Ну, может быть у него было больше занятости, потому что он там ходил на какие-то заседания...

Е.Г. А это не вызывало иронии со стороны? Некоторые считали, что он такой весь, ну, как бы, легкий, выпивающий человек?

Ю.Р. Он и продолжал быть легким и выпивающим. Но мы все были легкими и выпивающими, это возраст был такой. Мне казалось, нет. Ну, наверное, что-то его там отягощало, какие-то задачи, какой-то круг людей и обязанностей. Но он не был обласкан властью. Это разные вещи. То есть он был депутатом. Депутаты – это не власть. Власть – это те, кто меняют картину в стране. А они только обозначали своё отношение к ней. Юра, может быть, больше других использовал эту трибуну и эти возможности для того, чтобы писать материалы ну, скажем так, более аргументированные. И он стал владельцем той информации, которая раньше ему была доступна опосредованно, только через третьих лиц. Ну там вот Гуров там что-то ему рассказывал или ещё кто-то говорил. Потому что у него были болельщики и знакомцы, которые ему доверяли в самых разных структурах. Он мог бороться в целом против структуры, но в этой структуре у него могли быть люди, с которыми он общался вполне нормально. И которые доставляли ему доверительную информацию, которую он использовал. А тут он напрямую мог. Я не думаю, я не идеализирую положение такого честного депутата. Ну просто сам Щекоч, он как-то, к нему не очень прилипало это всё.

Е.Г. Скажите вот, когда он ввязался уже, начиная со статьи «Лев прыгнул»... Потом у него несколько этих “Львов” было. И он всё глубже и глубже начал разоблачать какие-то мафиозные дела. Кто-то его останавливал из вас или это было в порядке вещей?

Ю.Р. Никто не останавливал. Ну, я, во всяком случае не знаю, чтобы кто-то останавливал. Ну, казалось, что мы в защищенной профессии. Так бывает. Знаете вот даже когда в каких-то войнах или войнушках приходилось участвовать, где стреляли, то человек с фотоаппаратом или с камерой чувствует, операторы это: когда ты держишь камеру в руках, тебе кажется, что ты защищён. Может быть, он чувствовал, что он защищён профессией журналиста. Он же не для себя, не сам по себе идёт. Он идёт за чем-то. Я не считаю, что у него был такой синдром любви к этой опасности... Бывает, вот люди подсаживаются на войну, и это становится родом зависимости, как, вот, у геймеров, которые играют. То есть им нужны обязательно острые

ощущения. Конечно, ему хотелось влиять и хотелось быть известным везде в кругах не только его друзей, но и тех людей, которые его не принимали. Это было, да. А кто его мог остановить?

Е.Г. А он тщеславен был?

Ю.Р. Ну я думаю, что да. Ну это нормально. А как без тщеславия? Боря Жутовский, наш друг, Юрин друг, он говорит, что “тщеславие мое столь велико, что его как будто и нет”. На самом деле есть. Я думаю что, да.

Е.Г. И по нарастающей шли опасности. Он приближался к опасности...

Ю.Р. Я думаю, что какая-то синусоида была. Просто время менялось. Менялось время. То есть, если в какое-то время журналист действительно был защищен своей профессией, то в другое время, более позднее, он уже становился сам привлекательной такой приманкой, которую хотелось съесть. Уже это стало действительно опасно.

Е.Г. После этой истории с “Тремя Китами”, по-моему, началось...

Ю.Р. Да, я думаю, да. То есть это не началось. Это просто поднялось на какой-то уже такой высокий уровень. То есть, кому-то он сильно прищемил хвост. И уже там пошел счет на жизнь. Ну, что делать? Это общество стало бандитским. Оно было коррумпированным, оно было партийно-правительственным таким, закрытым. А тут просто стало бандитское общество. И в бандитском обществе стали процветать бандитские законы, законы разборок, заказов и так далее. Может быть, мы не заметили этого, как это поменялось. Может быть, это всегда присутствовало. Только журналист был, но если не священной коровой, то во всяком случае, такой «персоной в праве». Ну, как бы считалось, что да, его можно там уволить, применить административный ресурс, выгнать из газеты. Но лишить жизни, все-таки, как-то это было слишком. А потом, вот в те годы это уже стало доступным, дозволенным. И как мы видим, даже на примере нашей газеты и в других газетах тоже бывали случаи, когда просто людей убивали.

Е.Г. Скажите, пожалуйста, вы тоже горбачевец?

Ю.Р. Знаете, сейчас я осознаю, что Горбачев – великий человек в нашей истории, и после того, как он лишился своего поста, мы с ним, можно сказать, дружим, он мне очень интересен. Я и тогда понимал, что он значительная, очень значительная фигура. Может быть, единственная фигура в истории 20 века, которая была во главе государства, который что-то хотел и

изменил к лучшему. Ну поначалу, конечно, меня удивило, что он разговаривает без бумажки и обаятельный такой человек, и жена у него нормальная. Когда он начал свои вот эти преобразования, понимал, на какой опасный путь он стал, потому что, по существу, он был в этом диком окружении, ему надо было одному выгребать против этого течения, и поэтому временами, конечно, он так ходил какие-то круги, проходил ворота дважды, как вот эти байдарочники... Но, безусловно, он изменил эту страну, наше сознание, поэтому я его ценю чрезвычайно высоко. А горбачевец я или нет – не знаю, у меня как-то не было такого ощущения.

Е.Г. Насколько я знаю, Юра поначалу был тоже приверженцем Горбачева, а потом, а потом, позже, он уже стал вступать с ним в какие-то конфликты – как-то можно это объяснить?

Ю.Р. Я не знаю, в какие конфликты он мог вступать с Горбычевым, если честно, потому что как я ни отношусь хорошо к Юре, все-таки это фигуры в социальной жизни разного достоинства... Вот что значит конфликт? Конфликт – это, как правило, с моей точки зрения, это спор равных возможностей. Юра мог не принимать какие-то положения или идеи Горбачева, мог их не понимать, но вступать в конфликт...

Е.Г. Ну, он осуждал какие-то его действия...

Ю.Р. Это нормально. Я думаю, что человек во власти, он требует того, чтобы его действия осуждали. Это глупо – быть приверженным человеку власти, особенно журналисту. Он мог поддерживать какие-то идеи или ему мог быть Горбачев симпатичен, как человек, но сама власть – она всегда, если не враждебна, то, во всяком случае, вызывает враждебное отношение, во всяком случае, настороженное. А иногда и враждебное.

Е.Г. Вы сказали, что Горбачев изменил мир. А к лучшему ли изменился сегодняшний мир?

Ю.Р. Это разные вещи. Изменил мир к лучшему, а мир изменился... В целом думаю, что к лучшему, потому что Горбачев разрушил Берлинскую стену, он восстановил Европу, он создал предпосылки того, что называлось гласностью, перестройкой. Он создал предпосылки для того, чтобы общество, если бы оно было умнее, чтобы общество подхватило эти идеи и довело до какого-нибудь разумного развития. Мы не знаем полного замысла Горбачева перед путчем, но я думаю, что идея вот союзного договора, видимо, она была не такой плохой для того времени и для того пространства, но она не была реализована. Горбачев сам пал жертвой собственных

достижений. Я думаю, что к лучшему, да. То, что мы сейчас разговариваем об этом, то, что мы вообще можем писать и говорить – это достижения Горбачева.

Е.Г. Но в равной степени есть и приверженцы Ельцина, которые тоже считали его дарителем свободы.

Ю.Р. Ну есть приверженцы, не спору. Я думаю, что Ельцин в какой-то момент тоже внес что-то в развитие свободной мысли в России. Все-таки Ельцин имел возможность довести то, что он хотел, до какого-то результата. Результат у него оказался не очень хороший. То, что декларировал Ельцин, в результате он от всего отказался. Я имею в виду свободные выборы, война в Чечне. Очень-очень такая странная была политика с созданием богатейшего этого слоя, который называют олигархическим. Может быть, они тогда и были олигархами, потому что они очень сильно, эти богатые люди, влияли на власть и были встроены во власть. Ну, получили как раз эту часть наследия Ельцина в развитии. Горбачёв, может быть, не успел сделать ничего скверного. А может быть, и не собирался. Мне кажется что Горбачёв был гораздо глубже, как политик.

Е.Г. В итоге Европа, в общем, в шоколаде...

Ю.Р. Европа в шоколаде – это её дело. Мы получили такую же возможность, как Европа. Пожалуйста, можно было развивать это дело. Можно было нормально провести выборы 1996 года. Ну, кто бы выиграл, тот выиграл. Но пошли по другому пути.

Е.Г. АА вы жалеете о развале Союза?

Ю.Р. Ну, как вам сказать... Я жалею что так он исчз таким образом. Не надо ничего насильственного делать. Если бы условно, этот союзный договор был совершён и кто-то хотел бы выйти из него и вышел, а такие предполагались, совершенно очевидно. Предполагали, что, скажем, Прибалтика выйдет. Наверное, это выросло бы в Соединённые Штаты Российской империи, может быть. Может быть, кто-то захотел бы выйти – его бы не выпустили, возникли бы конфликты. Мы сейчас не можем об этом говорить. Но, во всяком случае, это был какой-то шаг развития. Мне в принципе жаль, что три человека там или четыре, сколько собрались, решили судьбу всех остальных.

Е.Г. А роль журналистики в развале, в хаосе, который потом наступил...

Ю.Р. Не такой уж там и хаос наступал, были какие-то такие вещи, которых хотелось бы избежать, но все-таки не было большой крови. А роль

журналистики, если исключить телевидение, потому что телевидение – это не журналистика, это такой визуально-аудиовизуальный отдел пропаганды, -я думаю, что она стремится к нулю при любых властях вот таких авторитарных.

Е. Г.. Вы участвовали в событиях в Литве, были там?

Ю.Р. Нет, я был в Грузии. Так меня Бог привел туда.

Е.Г. По прошествии лет что изменилось? Как Симонов говорил: “Словно смотришь в бинокль перевернутый”. Есть что-то обратное, хоть что-нибудь...

Ю.Р. Ну, как пели в тех старых частушках, фарш невозможно провернуть назад. Видишь то, что есть. Как можно сказать, как это могло сложиться? Не знаю, нет, не могу.

Е.Г. Нет, ну, участвуя в этих событиях, даже их фиксируя, вы наверняка...

Ю.Р. Я не участвовал в событиях. Журналист, как правило не участвует. Да, я выполнял свой профессиональный долг. Вот и все, больше ничего. Я фиксировал то, что видел, и писал то, что считал нужным. Если не печатали то, что я писал, ну, Бог с ним, значит, печатали в другом месте. Так вот в Грузии было. Не напечатала “Литературная газета” – я напечатал в “Молодежи Грузии”. Все равно то, что я написал, было прочтено. А как я повлиял на развитие событий, или Юра повлиял на развитие событий... Да думаю, что не очень. На восприятие событий – да. То есть, люди, которые прочли, они получили, если они мне доверяли, представление о том, как видятся эти события мне. Если они доверяют, значит, они считают, что вот я написал правду об этом. Ну, и я считаю что написал правду.

Е.Г. А сегодня, в прошедшие столько лет, вы те же позиции занимаете?

Ю.Р. Ну да. А какая другая может быть позиция? Я просто не знаю. Если вы мне предложите выбор я с удовольствием буду обсуждать его.

Е. Г..Оцениваете как-то, спустя годы – ошибались, не ошибались?

Ю.Р.тОшибался ли? Нет, не ошибался. Я просто то, что видел, описал, ну и свои соображения по этому поводу писал. Были бы другие события – я бы писал иначе об этом. Нет, я думаю что... У меня есть сожаления о каких-то вещах. Ну, например, Ошские события, которые вообще не были описаны никем, кроме меня. Но я туда не приехал специально для этого. Я приехал,

потому что там погиб мой товарищ, на горе. Я просто приехал туда, лег на лавку в ожидании нашего с Юрой товарища Володи Калиниченко, который был следователем по особо важным делам прокуратуры. И проснулся от того, что с диким матом он меня разбудил и сказал: «Ты что, с ума сошел? Ты знаешь что тут делается?». Я говорю, вообще ничего не знал что там делается, потому что никто не писал. И таким образом я оказался в гуще событий. В Тбилиси я летел сознательно, понимая, куда я лечу. Но сказать, что от того, что я написал, что-то изменилось в политике – нет. Люди, которые прочли, особенно там, они, не знаю поверили ли газете, но мне точно поверили. Меня там они вполне пристойно принимают и до сих пор.

Е.Г. Если Юру убили, то есть фактически он отдал жизнь за какие-то свои идеи, за приведение их в жизнь, за исправление каких-то недостатков. Прошло уже какое-то количество лет. И можно так сказать, что его усилия оказались безрезультатными?

Ю.Р. Нет, так сказать нельзя. Что вы имеете в виду, произнося слово «результат»? Есть огромное количество людей, которые читают газету. И для этих людей то, что он делал, было очень важно. Это и есть результат. Они осознают, в какой стране они живут и что в ней происходит, благодаря Юре. И вот это осознание или пробуждение сознания – это и есть результат. А то, что не принято постановление и не найдены убийцы до сих пор – ну это отсутствие результата у тех людей, которые руководят этой страной. Вот у них результата нет.

Е.Г. Я не знаю, согласиться или нет, но как бы жизнь общества не улучшилась...

Ю.Р. Ну как нет? Опять же, это вопрос терминологии. Если люди стали лучше понимать и больше знать, значит улучшилась. Они понимают, они осознают, они готовы к чему-то. Значит, они уже использовали ту информацию, ту страсть и тот запал, который он тратил в этих статьях. Они его помнят до сих пор. Читатели помнят его, Юру.

Е..Г Старшее поколение. **Ю.Р.** Ну, естественно, те, которые умеют читать. Те, которые не читают, конечно, они не знают. Вот я недавно встречался со вполне нормальным человеком, компьютерщиком. Он говорит: “А это что за женщина?” Я говорю: “Это Уланова”. Он говорит: “Не знаю”. Не знает и не знает, что тут делать. Действительно не знает. А другая женщина молодая, увидев парный портрет Сахарова и Бонар, сказала мне: “Ой, какие милые старички. Это кто?”. Я говорю: “Это Сахаров и Боннэр” Нет, говорит, там

одна женщина. Я говорю: “Боннэр – это женщина”. Конечно, эти могут и не помнить Щекочихина.

Е.Г. Стоит журналисту отдавать жизнь...

Ю.Р. Никто не предполагает, сразу вам скажу, никто не предполагает отдавать жизнь. Такой задачи нет. Даже на войне никто не хочет отдавать жизнь. Все хотят жить. Людей убивают – это другая история совсем. Вы что думаете, что Юра планировал, что его за какую-то статью убьют? Нет. Или Аня Политковская думала, что ее убьют. Если бы она предполагала, что это произойдет, она, наверное, жила бы с охраной или ходила с охраной. Нет. Он жил такой жизнью, а эту жизнь у него отобрали. Негодяи, бандиты, политические, экономические какие-то.

Е.Г. Он принимал большое участие в Чеченской войне и защищал и «наших, и «ваших».

Ю.Р. Ну да.

Е.Г. И результат сегодняшний Чечни – ваша проекция...

Ю.Р. Опять, это мы возвращаемся к середине нашего разговора. Ну, нет задачи у журналиста прекратить. Он хотел бы, чтобы война прекратилась, но он не может стать остановить войну. Те люди, которые читают, если бы они читали, если бы они были способны воспринять информацию там, президенты, премьеры, министры там, иностранных дел, если бы они хотели изменить информацию, у них было бы достаточно поводов, в том числе и статьи Щекочихина или Политковской. Если они не хотят этого сделать, то как может она изменить этот мир? Он не “ваших” и “наших” защищал, он защищал некую идею справедливости. Он защищал несчастных людей, которые страдают в результате этой безумной войны. И каких-то людей конкретно он защитил, и каких-то они там спасали этих людей. Почему? Это есть люди, которые живут благодаря тому, что Щекочихин вмешался. Не маленький результат.

Е.Г. Когда мы с ним (ЩЕКОЧИХИНЫМ-ред) “Лимиту” снимали, ну, он был сторонник мультикультуры, идеи, что все мы равны и это соответствует интересам общества. Вот сегодня мы столкнулись с проблемой национализма – путинская программа Хлопонина и Путина, переселение Кавказа плюс проблема Таджикистана. Но она приносит некие результаты, которые для коренного населения как бы районов, куда их переселяют, являются губительными. Это косвенно я подвожу вот к той же самой проблеме “Лимиты”, которая была там и так далее.

Вот по этой программе в Смоленской области переселены ингуши. Большое количество ингушей получили подъемные деньги. Построили под Смоленском дома, в отличие от коренных жителей, которые живут в развалюхе. Получили работу, получили землю, каким-то образом прибрали власть к своим рукам. Огородили территории, куда не пускают коренное население. И там начались конфликты. Вот это программа переселения Кавказа, мультикультура.

Ю.Р. Я не большой поклонник политики Путина и Хлопонина, я не знаю. Она что, записана была, эта программа, так, что они должны были переселяться таким образом? Ну, тогда это, конечно, уродливо. Нужно было строить своим дома и чужим дома.. Я не знаю, это очень тонкая штука. Я не специалист в национальной политике. Я думаю, что пока Россия существует как некая такая мини-империя с метрополией, Кремлем, все остальное у нас колонии. Может быть, Смоленск – колония. Не знаю. Татария – колония, еще кто-то. Это все колонии наши. Это надо как-то очень тонко и точно вести эту работу. Я думаю, что они, люди, которые этим занимаются, их это вообще

Е.Г. А как вы к “манежке” относитесь?

Ю.Р. Нехорошо. Мне это не нравится. Мне не нравится, что правительство заигрывает с вот этой проблемной молодежью. И мне не нравится, что национальная политика становится инструментом поддержания сомнительного власти. . Мне кажется, что и так и без того существует огромное количество националистов. Вот. И поддерживать это не нужно, потому что это убыточно. Если это выйдет из-под контроля, будет гораздо тяжелее справиться с ними, чем с кучкой интеллигентов каких-то или среднего класса, которые ходят на площадь Маяковского.

Я думаю, что заигрывание с Чечнёй – это такая же опасность, как заигрывание с вот этими юными националистами. Кажется, что нашёлся способ управления таким образом. Это заблуждение. Уже я не знаю, кто чем руководит: Чечня Россией или Россия Чечнёй, я имею в виду определённой частью. Я думаю, что там котёл с закрытой крышкой.

Е.Г. Демократия ли это и вообще?

Ю.Р. Это конечно, очень условно. В советское время был демократический централизм – это я помню. А сейчас это какая-то... не управляемая, а какая-то якобы всё-таки демократия. Тем не менее, если бы население в едином порыве или хотя бы так, 50 на 50, проголосовала против правящей партии или против предлагаемого президента, то такой факт можно было бы как-

нибудь скрасить, но не скрыть. Я думаю, что сейчас ситуация немножко изменилась. Они надоели. А что касается большой крови, войны.. По всей вероятности, власть и правительство, они все-таки подозревают, что какая-то опасность нависает. Поэтому они сейчас принимают такие законы, которые кормят армию, для того, чтобы армия была на их стороне. Потому что учителя-то не объединятся, а у них оружия нет. А увеличение в два с половиной раза содержания армии, полиции – это такой знак ожидаемой беды.

Е.Г. Вам не кажется, что действительно, я подхватываю вашу мысль, что знак ожидаемой беды, что эти выборы могут закончиться введением чрезвычайной ситуации и их не будет вообще?

Ю.Р. Нет. Какая чрезвычайная ситуация? Ну, наберет Единая Россия 45 процентов, ну 40. Еще 10 допишут будет 50 процентов. Вполне нормально. Ну так обман и хитрость – это есть инструменты власти, это нормально, конечно. Нет, я не думаю, у меня нет таких апокалиптических представлений. Я не думаю что это произойдет.

Е.Г. Юру убрали же перед выборами.

Ю.Р. Это не имеет значения. Выборы не имеют значения. Аню убрали не перед выборами. Там свои какие-то дела. Не думаю. Нет, это все на каком-то другом уровне решается. Более агрессивном и низком. Низком в любом смысле.

Е.Г. Один из ваших коллег назвал Юру неосторожным. Без осуждения, в контексте, что это тип журналиста – “разгребатель грязи”. Если это так, то каков предел у журналиста, когда ему уже не хочется быть “разгребателем грязи”?

Ю.Р. Вопрос термина. Мне кажется, что Юра как раз стремился к чистоте. И поэтому он писал о том, что мешает этой чистоте. Разгребатели грязи – это желтые газеты. Это совсем другая история. Его такая внутренняя задача – это какое-то совестливое отношение к бессовестному делу. К политике.

Е.Г. Но может наступить предел, пресыщение заниматься бессовестным?

Ю.Р. Ну, я не знаю, если он установлен кем-то вообще. Наверное, может возникнуть какая-то такая клановая война, борьба, в результате которой может свалиться один клан и прийти другой. Это может быть. Дело в том, что сама Россия – она ведь исторически хотя и стремилась всегда к свободе, но она рабская страна была. В 1861-м году отменили рабство крестьян, да. А

еще сколько времени шло.... А в 17-м году опять наступило рабство, потому что опять крестьяне были лишены паспортов. И только началось это движение 25 лет назад. Это очень мало. Думаю, что пройдет какое-то время и, может быть, вырастет поколение, которое захочет жить по-человечески. У нас все для того, чтобы мы жили хорошо, есть. Географические богатства у нас есть, культура у нас феноменальная, язык у нас есть счастливый, богатый, люди есть достойнейшие. Ну, может быть, произойдет какое-то осознание там у тех людей, которые претендуют на власть, или те, которые обладают... и не знаю это трудно сказать. Пока не видно.

Е.Г. Каждый народ достоин своего правительства?

Ю.Р. Ну, я вам скажу – и правительство достойно своего народа... Ну да, безусловно. Но бывали такие ситуации, все-таки, были крупные политические деятели в 20 веке, которые, хотя и обладали довольно значительной властью, все-таки, сделали много полезных вещей. Можно вспомнить и Де Голля, и Черчилля, и Тэтчер, если уже более сюда, поближе к нам. Были какие-то политики, которые вызывали уважение, во всяком случае со стороны, и на которых можно было обижаться. Ну потому что раз доверяешь, то можно обижаться, а если не доверяешь, то обижаться нельзя. Ну чего на него обижаться, если он такой? И Горбачев, кстати, Горбачев...

Е.Г. Я у Юры выкопала фразу в одной малоизвестной статье, которая меня поразила : “Зачем мне столько информации, если я ничего не могу сделать?”. Это может быть журналистским пресыщением профессией?

Ю.Р. Я не думаю, что он так думал. Может, это кокетство такое, черт его знает. Информации никогда не бывает слишком много. Если человек способен ее отобрать, если он классифицирует. Информация – это то, что дает тебе возможность давать реальную оценку событиям, как ее может быть слишком много – не знаю.

Е.Г. Сейчас есть такое понятие, как информационный шум.

Ю.Р. Шум – это другое дело. Ну ты же отбираешь его. Ну, не смотришь телевизор, не смотришь – и все. И не перегружаешь себя. Это зависит и от самого человека: один может впитать огромное количество информации, а для другого и двух версий много.

Е.Г. Разочарование в профессии от несуществующих несвобод может наступить в журналистике?

Ю.Р. Ты можешь написать все, что хочешь. Все можешь напечатать? Нет, не мо когда- тог. Сейчас ты можешь все напечатать у нас в газете. Ну а написать- то ты можешь все. Так и было. Вся диссидентская журналистика – она и была построена на этом. Ковалев выпускал «Хронику текущих событий», они все писали. Другое дело, что их там сажали. Сейчас, конечно, человек чувствует себя свободнее, то есть он может писать действительно все, что хочет. Другое дело, что это не достигает ушей или глаз – это другое дело. Можно пойдти в другую газету и там... Это как раз вот появилось с приходом Горбачева. Сначала эта гласность, про которую так иронически говорили, ну вот она появилась. Съезд народных депутатов... Я думаю, что вопрос вот в чем: есть партнерство читателя и журналиста. Один может написать все, что угодно, другой может все, что угодно, прочесть, в принципе. Но один пишет что-то, что ему кажется важным, нужным, или за деньги. Другой читает то, что ему кажется важным или то, что его абсолютно не волнует, не беспокоит. Он не хочет беспокоиться, поэтому он читает глядцвы журналы или газеты про жизнь звезд, там, или еще какую-нибудь ерунду.

Е.Г. То есть вы еще верите в свободу и считаете, что мы на правильном пути?

Ю.Р. Я это сказал? Я на правильном пути и газета на правильном пути. А мы – это кто?

Е.Г.Страна.

Ю.Р. Страна – я вам этого не говорил. Все время говорю, что не на правильном пути. Страна идет в тупик. Смысл – чтобы вы это поняли. Вот прочли и поняли. Чтобы вы не читали про Киркорова а читали про то, что происходит в стране. И были сориентированы и готовы к тому, чтобы отвергнуть вот эту идею тупикового пути.

Е.Г. Регламентация в журналистике?

Ю.Р. Ну это зависит от изданий, и они должны сами регламентировать. У «Би-Би-Си» есть конституция своя. И там написано, что нельзя показывать труп, допустим. Вот они и не показывают. Ты не знаешь, что им там выходит какой-то менеджер и говорит: “Нет, Би-Би-Си, не показывай труп”. Или какой-нибудь ходит... Нет, этого нет. Просто они формируют общественное сознание, чтобы оно было продуктивное. А у нас, может быть, какая-то идея деструктивная, что наоборот запугать людей. Чтобы показывать, что все так опасно, и что единственное спасение – это сильная власть. Все, это же там не дураки сидят, они умеют опосредованно работать.

Е.Г. Тогда озитивная журналистика – изначально есть ложь?

Ю.Р. Позитивная журналистика – это замечательная журналистика. Почему она ложь? Разве нету хороших людей? Есть. И они борются против всякого дерьма. И эту борьбу надо показывать. Надо, чтобы человек осознавал, что он в праве, что он имеет силу, что он достоин, что Бог создал его для того, чтобы он был счастливым, что ему мешают. Это гораздо опаснее для власти, чем наворот страшилок. Человек, который преодолел, и ты показываешь, что он преодолел, – он опаснее. Это позитивно. Ну, вот он что-то там сделал: что-то посеял, кого-то спас. И потом, человеку надо за что-то зацепиться. Он идет через эту ночь, и он должен чувствовать руку, что кто-то идет рядом, кто-то может его понять. Газета, в которой я работаю и мы работали с Юрой, она тоже этим делом занимается. Мы протягиваем руку. Мы присоединяем людей к себе и создаем такую когорту людей, компанию людей, не связанных ничем, кроме достойного отношения к себе и к своей стране. Не к государству, не к управляющему клану, а к стране со всем тем, что было: с этими песнями, танцами, с бабушками, с мамой с детьми, с родным двором с достойными людьми.

Е.Г. А сегодняшнее грядущее журналистское поколение, каким вам кажется?

Ю.Р. А вот они – по коридору тут ходят у нас, грядущее поколение. Есть фантастические совершенно люди. Вот у нас Верочка Челищева. Ну просто сказочная. Едва-едва там за 20. Она, я думаю один из лучших судебных репортеров. И блестяще освещала процесс Ходорковского. И сейчас вот она в Лондоне. Ну вот нормальная. Вон Паша Каныгин. Ему тоже где-то 24 или 25 лет. Чудные совершенно. Очень хорошие есть. Разные. Как всегда было. Были хорошие, были плохие. Кому-то нравится махать руками, погоду показывать, тусоваться. Кому-то зарабатывать джинсовые деньги. А кто-то хочет работать в журналистике. Это все спокойно потом, со временем все становится на свои места. Тех кто занимается настоящей журналистикой, запоминают. Те, кто занимается джинсой, хорошо живут.